

Самое Заветное Желание

Глава 8 «Настоящий, настоящий друг»

*«Перед любым другим мужчиной... я бы застенялась, но не перед Эдуардом. Между нами сексуального влечения не было никогда. Может, мы в один прекрасный день друг друга пристрелим, но спать вместе не будем»
Лорел Гамильтон «Цирк Проклятых»*

Эквестрия, 773 год эпохи Монархии

Я всё ещё дремал, когда сквозь сон услышал шаги. Затихни они сейчас, я не проснулся бы, а утром даже не вспомнил о них. И уже хотел погрузиться назад в приятные сновидения, но не тут-то было. Кто-то резко раздвинул шторы, и на меня упали лучи света, такого яркого, что его было видно даже сквозь сомкнутые веки.

– Соня, просыпайся! – громко сказала Селестия. – Уже давно полдень!

– М-м-м-м, – пришлось открыть глаза, и сразу же часто заморгать от слепящего света.

Я лежал на спине в своей большущей кровати, обнимая прижавшуюся к моему левому боку единорожку Фолл Ремеди. Это объясняло, почему у меня гудел рог. Справа от меня спали, обняв друг друга земная пони и пегаска, имён которых я не помнил. Я поймал на себе неодобрительный взгляд Селестии.

– Что?

– Тебе не стоит пить столько вина, – ответила она мне, кивнув в сторону

пустой бутылки. – Это вовсе не полезно. И тем более не нужно травить им других пони.

– У меня был День Рождения, – отмахнулся я.

Ну конечно же, Тия не стала бы заводить разговор о кобылках в моей кровати. Хотя я никогда не хотел знать о её интимных делах и ни с кем не говорил на эту тему, до меня иногда доходили слухи о, если так можно выразиться, весьма вольной личной жизни принцессы.

Тем временем кобылки начали просыпаться. Земная пони, увидев Селестию, испугалась и вжалась в кровать, опутив уши. Пегаска никак не могла взять в толк, где она, а когда до неё дошло, она ойкнула и захлопала глазами.

– Лежите-лежите, девочки, – Тия махнула им копытом. – Я уже ухожу. Индре, я жду тебя в столовой, как только приведёшь себя в порядок. У нас сегодня много важных дел.

Принцесса сказала последние фразы ровно в тот момент, когда Фолл Ремеди потянулась целовать меня, но, увидев, как странно на неё смотрит правительница Эквестрии, прекратила свои попытки. Тия же, выходя из комнаты, как-то хитро и понимающе ей улыбнулась и подмигнула, а единорожка виновато хихикнула ей в ответ.

– Вы слышали принцессу. Так что ванную я занимаю первым, а вы можете ещё поваляться, – с этими словами я вылез из-под одеяла и, расправив крылья, перемахнул сразу к двери.

Умываясь, я стал вспоминать о Фолл Ремеди и о моих попытках чтения «Катехизис Демоника». Чуть больше четырёх лет назад, на одном из приёмов, проводимых Селестией, я случайно обмолвился, что мне не с кем поговорить по душам, потому что у меня, как у правителя, друзей нет. В ответ на это один знатный пегас, глава кантерлотской больницы, посоветовал мне обратиться к единорожке Фолл Ремеди. У неё была интересная кютимарка – флакончик розовой жидкости в виде сердечка и по-осеннему жёлтый лист. И ещё более интересный талант – кобылка помогала пони, которым разбили сердце, да и просто погружённым в депрессию. Она была замечательным слушателем и умела хранить тайны. Сногшибательная красавица светло-песочного цвета с яркой золотисто-рыжей, осенних листьев гривой с красными прядками. Честно говоря, назвать это любовью с первого взгляда значило бы погрешить против истины, но страсть с первого взгляда была однозначно. Любовь пришла потом, когда на третьем или четвёртом сеансе, я наконец-то доверился ей и рассказал обо всех взаимоотношениях с

кобылками, приятелями и Селестией. А она в ответ доверила мне историю о своём нелёгком детстве и юности. Я слушал и хвалил Фолл за её настойчивость и стремление, с пониманием относился к её страхам. Между нами установились такие тёплые доверительные отношения! Нам нравилось проводить время вместе, нравилось ухаживать друг за другом, нравилось просто посидеть и помолчать. И не было ничего удивительного в том, что однажды мы, наплевав на нормы медицинской этики, занялись любовью прямо на её мягком кресле.

Полтора года назад, в 771-м, перед началом брачного сезона я выпросил у Селестии «Катехизис Демоника» под предлогом того, что моя психика и жизненный опыт позволяют мне после чтения не пугаться тёмных углов. Как оказалось, бравировал я зря, а то, что я когда-то был человеком, нисколько не помогло. Первая глава оставила меня в крайне удручённом состоянии, я и представить себе не мог, что во Вселенной повсеместно существует такая жестокость. От половины второй же главы мне стало не по себе, а когда я вспомнил, что от миров Хаоса Эквестрию отделяет только Барьер, то чуть не закричал от страха. Я боялся спать один, о чём сразу же сказал Фолл Ремеди, остававшейся для меня особенной пони и той весной тоже. Утром я потихоньку пытался читать проклятую книгу, днём обдумывал прочитанное, а спал, буквально вцепившись в единорожку, бережно охранявшую мой сон от кошмаров. Я изо всех сил старался, чтобы наши отношения не изменились под влиянием знаний из книги, но Фолл чувствовала перемены в моём поведении и настроении. И ей они не нравились. Дочитать третью главу я не смог, просто пролистал последние страницы. И как оказалось не зря! В конце я нашёл описание крайне интересной вещи – ошейника из специального сплава и спиралями Истинной Речи. Такое магическое устройство зачастую полностью лишало заклинателя возможности колдовать. Показав этот кусок Селестии, которая по её словам не осилила и второй главы, я остался доволен результатом. Тия сказала, что подумает, и действительно, через несколько дней забрала «Катехизис Демоника» для проведения опытов, не дав дочитать мне четвёртую главу.

Под конец брачного сезона Фолл Ремеди уломала меня рассказать, что было в той книжке. Я сопротивлялся, но в итоге рассказал, опуская самые страшные описания. Она была напугана и сильно обиделась за то, что я не настоял на своём и рассказал ей. У нас произошёл скандал, и мы расстались. Однако Ремеди осталась при дворе, и до меня доходили слухи о её связи с Селестией. А вот теперь наши пути вновь пересеклись. «Интересно, почему Тия смотрела на неё таким странным взглядом, как будто бы они знали какой-то секрет? Неужели некоторые слухи не

врут и между ними... нет! Я даже думать не буду! Ни перед завтраком, ни тем более после». Нахмурившись, я вышел из ванной, быстро глянул на Фолл Ремеди и с помощью магии поднял недоеденный торт.

– Так, дела не ждут, поэтому до встречи, девочки, – сказал я им и вышел из комнаты.

В столовой, где меня уже ждала Тия, я стал доедать торт, запивая его поостывшим чаем в ожидании того, что мне скажет принцесса.

– Как же ты похож на Луну, когда она была в твоём возрасте! – вздохнув, произнесла она. – Так же напиваешься, чтобы не заводить крепких отношений.

– Вовсе нет, – возразил я, дожёвывая торт. – Вино нужно чтобы расслабиться, побравировать перед кобылками, весело провести время. А что Луна?

– Ей тоже было необходимо с кем-то встречаться. Поэтому сестра прилично выпивала и неплохо накачивала партнёра. А утром убеждала себя и его, что во всём виноват алкоголь, – Селестия задумалась о чём-то, потом улыбнулась своим воспоминаниям. – Знаешь, папа научил её приготовлению особого напитка из перебродившего поджаренного ячменя и кукурузы. Он называл эту жидкость «Лунным Сиянием». Наверное, в честь своей любимой малышки, – принцесса нахмурилась и, немного погодя, продолжила рассказ. – Уже после смерти родителей, спустя несколько сотен лет, Луна провела первую успешную дистилляцию и получила весьма сносный напиток. Даже вдвое разбавленный яблочным соком, он так сильно ударял в голову, что стесняющиеся пони, которые мне нравились, после нескольких глотков сами запрыгивали ко мне в кровать.

– Кха-кха! – я поперхнулся чаем и закашлялся. – Тия! Последнюю фразу обязательно было мне говорить? Мы же договорились, что личная жизнь – это личная жизнь.

– Прости, но уж очень хотелось похвастаться, – она звонко засмеялась и потрепала мне гриву. – Зато у меня для тебя есть запоздалый подарок ко Дню Рождения, – она сделала паузу и, хитро улыбаясь, уставилась на меня, ожидая, когда моё терпение кончится. Я сделал вид, что мне всё равно и стал пить чай дальше. – День «Д» настал! – наконец произнесла Селестия со счастливейшим видом. – Мы идём расколдовывать её!

– Кха-кха! Серьёзно? – второй раз за день, я чуть не подавился чаем.

– Да, поэтому надевай китель, собирай стражников, скажи, чтобы были в полной боеготовности, и идём в подземелье.

– Тогда я пойду одеваться, ещё мне нужны брюки, а то она застесняется, – на

ходу заметил я. – Да и тебе лучше платье одеть.

– Ха-ха-ха, – рассмеялась Тия. – Глупости какие! Впрочем, одевай, ты в них забавно смотришься.

Я только отмахнулся, допил чай и отправился в оружейную.

– Волнуешься? – спросила меня принцесса.

– Ещё бы! Как-никак, если всё получится, нас будет трое.

– Сейчас это куда важнее для нас самих, и уже не столь важно для государства.

– Да уж. Эта новая политика... – я вздохнул. – Впрочем, без неё мы бы не обошлись в любом случае.

– Это был единственный разумный выход в ситуации, когда государство расширилось так, что ни два, ни двадцать два аликорна из Кантерлота управлять им уже не могут.

Мы были вынуждены произвести некоторые реформы в Эквестрии, связанные с самоуправлением. Отныне в каждом более-менее крупном городе, кроме столицы, был свой мэр, свой судья и, если нужно, свой шериф. Мэров мы назначали сами, убеждаясь в пригодности кандидатуры и её преданности нам. Однако ни я, ни Тия не забывали оставлять все города в зависимости от центральной власти в Кантерлоте, что гарантировало нам их лояльность.

Расставаться с властью даже над тем, на что у тебя в любом случае не хватит времени, было не слишком приятно, но это окупалось нашими достижениями. Эквестрия, благодаря грамотному управлению, культурному и образовательному всплеску, обширной торговли и хорошим дипломатическим отношениям стала силой, с которой не могли не считаться все остальные государства.

А ещё у нас появилось свободное время, впервые за несколько веков. Я сразу же возобновил тренировки, а Тия напросилась ко мне напарником. Она говорила, что это помогло ей стать по настоящему стройной. И хотя принцесса была такой всегда, я не стал её разубеждать, радуясь тому, что такие мелочи делают её счастливой. Мы читали книги, Селестия начала проводить какие-то исследования, а я стал чаще наведываться в Великий Лес. Прежде всего, я хотел узнать о существовании, доставить которое в Эквестрию мне пообещал ещё Керт. К моему сожалению, об этом инциденте почти не было сведений, и всё что мне удалось услышать, это то, что друиды нашли пони и перепоручили её доставку какому-то офицеру Порядка в отставке, который вскоре сгинул без следа.

Друиды научили меня находить и пробуждать энтов – спонтанно

сформировавшихся полумразумных завихрений энергии Жизни, заключённых в деревья. К моему великому сожалению энты Вечнодикого леса ничего кроме невнятных бормотаний о тёмной магии поведать мне не могли. Многовековой опыт дворцовых интриг помогал мне избежать двухлетней командировки в один из нескольких мёртвых миров, а так же внутреполитических дразг. Однако я раздобыл приличное количество интересной литературы по магии Жизни и в том числе обучению новичков. Пока природе Эквестрии ничего не угрожало, но в будущем ситуация могла измениться и мне потребовались бы верные ученики. Я был более чем уверен, что земные пони годились для этого как нельзя лучше, несмотря на отсутствие у них рога.

– Вот мы и пришли, – оборвала мои размышления Селестия.

– Куда? До кристалла ещё три этажа вниз, – я остановился и жестом приказал стражникам сделать тоже самое.

– Дальше со мной пойдут только пегасы. Любое использование магии, да и просто присутствие заклинателя, может помешать моей концентрации, – Тия положила копыто мне на плечо. – Прости, Индре, но даже ты способен отвлечь меня, просто находясь неподалёку. Так что остаёшься за главного. Никого не пускай вниз, и тогда к вечеру я вернусь не одна, – она тепло мне улыбнулась.

– Ну что ж, – я вздохнул. – Я верю, что у тебя всё получится. Удачи тебе, Тия.

– Спасибо большое.

Мы обнялись, я ободряюще похлопал Селестию крылом по спине и, приказав никого не пускать к кристаллу, отправился наверх, а она – вниз. Пройдя в тронный зал, освещённый заходящим солнцем, я уселся на место правительницы Эквестрии, которое занимал, во время её отдыха у моря. Через пару часов в зал влетела Филомина, ручной феникс Селестии. Я раздражённо махнул копытом в сторону окна, и птица вылетела, недовольно покачивая хвостом. Солнце стало закатываться, когда из подземелья донёсся гул, а потом невидимая волна магической энергии заставила все волосы на моём теле встать дыбом. Не теряя ни секунды, я сбежал по лестнице в подвал под замком. На нижнем уровне я увидел Тию, выглядывающую из-за массивной полуприкрытой двери.

– Индре, ты тут? У вас всё в порядке?

– Да, тебе удалось? – я спрятал меч, который достал чисто рефлекторно, в ножны и нервно переступил с левых ног на правые.

– Отошли всех стражников наверх, а то девочка пугается.

Я свистнул и махнул копытом пегасам, дав знак выбираться из подземелья. Потом кивнул Селестии. Она с довольным видом вышла из широкого дверного

проёма, её рог был охвачен жёлтым сиянием, а лицо буквально светилось от радости и счастья. Она левитировала молодую и худенькую кобылку-аликорна приятной розовой масти с трёхцветными гривой и хвостом. Новенькая испугано оглядывала окружение большими глазами, а когда заметила меня, то застеснялась и попыталась повернуться ко мне спиной. Я тут же тепло улыбнулся ей и поприветствовал:

– Добро пожаловать в Эквестрию! Мы рады тебя видеть!

– З-з-здравствуй-те, – заикаясь, ответила она.

– Девочка вся дрожит, – сказала мне Тия. – Индре, дай-ка сюда свою одежду, – я стал расстёгивать тёплый китель; шерсть как-никак. – Спасибо, сейчас мы оденемся, и ты согреешься.

Используя магию, Селестия бережно опустила волшебницу на пол. Та глянула на меня, смутилась, потупила взор и так мило покраснела. Пытаясь прикрыть свою наготу, она свела задние ноги, а передние скрестила, прижав копыта к плечам. И от этого стала заваливаться на бок.

– Аккуратнее, Тия, она же не представляет, как сидеть, когда у тебя есть хвост, – заметил я, подхватывая и усаживая путешественницу между мирами ровно, от чего она смутилась и покраснела ещё больше.

– Серьёзно?

– Я в своё время не знал, – пожав плечами, ответил ей я и повернулся к новенькой. – Грудь можешь не прикрывать. Молочные железы у тебя больше не там, где была раньше.

– Ч-что? – только и выговорила она. – К-как?

– Вымечко у кобылок находится чуть ниже живота, – нисколько не стесняясь, произнесла Тия поучительным тоном.

– Я, пожалуй, отвернусь, – сказал я, подавая ей снятый китель.

Не прошло и пары секунд, после того, как я повернулся, как позади меня раздался крик испуганной путешественницы. Разворачиваясь назад, я едва сдерживал дурацкую ухмылку. Присел сбоку от дрожащей юной волшебницы, чтобы она не стеснялась, а Селестия стала продевать её передние ноги в рукава висящего мешком кителя.

– Меня зовут Индре, – я улыбнулся и протянул ей копыто. – Ну, вообще-то принц Индре Сильварум, но для тебя просто Индре.

– Мийя Кейденс, – ответила она и недоумевающе посмотрела на мою ногу.

– Просто приставь своё копыто к моему.

Пока Селестия застёгивала пуговицы, Мийя неловко приподняла свою

переднюю ногу, подвигала кистью, удивлённо посмотрела на копыто и приложила его к моему. Я чуть надавил и несильно потряс им. Аликорн робко улыбнулась и неожиданно для меня спросила:

– Индре, я... я же сплю, верно?

– Гораздо лучше, – вместо меня ответила ей Тия. – Впервые за долгое время ты бодрствуешь, но подробнее расскажу, когда поужинаешь. Индре, ты освещаешь путь, а я несу Мийю.

Я с умилением смотрел, как Тия кормит кобылку сладкой овсяной кашей, ловко левитируя ложку. Со стороны, наверное, выглядел очень глупо.

– А как ты к нам попала? – я решил прервать напряжённое молчание.

– Ну... это долгая история, – она неуклюже почесала у себя за ухом.

– Не отвлекай девочку от еды, – тут же вставила Селестия. – она может поперхнуться.

Я улыбнулся и покачал головой. Тия получила очередного аликорна, о которой можно заботиться, которую можно нянчить, которой предстоит узнать о новой себе столько, что не позавидуешь.

– Спасибо вам. Вы такие добрые и заботливые, накормили даже незнакомую вам самую обычную неумелую волшебницу, – сказала Мийя, когда правительница Эквестрии вытерла ей рот платком и отодвинула в сторону пустую тарелку.

– Ты кто угодно, но только не самая обычная волшебница, – тут же ответила ей Селестия. – Как раз наоборот, умелая, раз смогла попасть в Эквестрию и запечатать врата.

– Спасибо, – Мийя опустила взгляд, потом подняла вверх переднюю ногу и осмотрела её. – У меня даже копытца розовые? Это... так здорово! – в этот момент она выглядела так умиительно, что мы не могли не улыбнуться. – И необычно, мне кажется, что я могу пошевелить пальцами, но совсем их не чувствую.

– Тебе ещё очень и очень будет их не хватать, – сказал я. – Уж я-то знаю, и поэтому буду всячески тебя поддерживать, а Тия научит телекинезу. И хоть это не полноценная замена, но всё же.

– Спасибо ещё раз. Даже не верится, что вы бескорыстно мне помогаете, – она улыбнулась нам. – Обо мне так только папа заботится, – её лицо сразу же помрачнело. – Я думаю... я надеюсь, ему всё-таки удалось выжить во время погромов, он просто не мог вот так умереть.

Мы с Селестией переглянулись, похоже, она ещё не сказала Кейденс, что та четыреста лет была заключена в камень.

– За мной гнались люди мэра, со священником во главе, поэтому мне и пришлось отправиться сюда. Но я думаю, что они остынут за пару месяцев, и я смогу вернуться домой. Мне очень нужно найти папу, вы же меня расколдуете, да? – она посмотрела на нас взглядом, в котором читалась мольба о помощи. – Летать – это конечно здорово, но мне привычнее оставаться человеком, – тут Мийа вновь стеснительно улыбнулась и негромко попросила: – Можно я буду приходить к вам в гости? Иногда жизнь с мачехой становится невыносимой.

– А почему люди за тобой гнались? – тут же спросила её Селестия.

– Тия! – я неодобрительно посмотрел на неё. – Нам лучше сначала рассказать ей всё как есть.

– И когда ты говоришь «мы», ты имеешь в виду меня, так? – спросила она, я промолчал в ответ.

– Это ничего, если мне опасно тут находиться, я вернусь и просто буду скрываться от преследователей, – кобылка попыталась разрядить обстановку.

– Что ты, девочка! – воскликнула принцесса. – Дворец Кантерлота – самое безопасное место в Эквестрии, тебе ничего тут не угрожает, но... – она замялась. – Дело в том, что распечатать закрытые тобой врата невозможно, и более того, ты оказалась внутри огромной глыбы турмалина не на несколько часов, как ты думаешь, а на более чем четыре сотни лет. Все твои родственники, друзья и преследователи давным-давно умерли. Мне... очень жаль.

Пока Селестия говорила, зрачки Мийи становились всё более и более расширенными, а после последних слов, она издала протяжный крик и зажмурилась, сдерживая слёзы. Тия моментально сгребла её в объятия и прижала к себе ещё и крыльями. Кобылка плакала, уткнувшись носом в мягкую шёрстку Ти, порой она затихала, но только для того чтобы через несколько секунд снова разродиться рыданиями. Я подошёл ближе, и, чувствуя себя крайне неловко, произнёс:

– Прости нас, но мы не могли скрывать от тебя такие вещи.

– Почему? – путешественница судорожно всхлипнула. – Почему вы извиняетесь? Вы же тут совершенно ни при чём! Я же для вас совсем чужая, а вы бескорыстно помогаете мне. Почему?

– Мы просто не можем оставить тебя без поддержки, когда тебе плохо, – ответила ей правительница Эквестрии, разжав объятия, Кейденс лишь недоумевающе посмотрела на неё.

– Тия, она ещё пока человек, она не может нас до конца понять, – ответил я ей. – Вот через пару месяцев...

– Я... я действительно не понимаю вас, – Мийя нервно крутила головой, смотря то на меня, то на Селестию. – Что значит «ещё пока»?

– То, что ты стала такой как мы, это не волшебное превращение, а физическое, – ответил ей я, отведя взгляд. – Твоё тело навсегда останется таким, а скоро ты и сама станешь аликорном. И это вовсе не плохо, а наоборот здорово. Твоя прошлая жизнь теперь будет напоминать ночной кошмар, который остался позади.

Но она всё равно вновь расплакалась, Селестия вновь стала её утешать, а я вновь почувствовал себя очень неловко. Наконец принцесса усадила её на диван и села рядом, я тут же забрался с другого боку и спросил:

– Мийя, а сколько тебе лет?

– Четырнадцать. Месяц назад исполнилось.

– Почти взрослая, – прокомментировала Тия.

– Расскажи нам, что же там произошло такого, что ты сбежала из Пограничного мира, – я вновь повторил свой вопрос.

– Всё началось с погромов. Они иногда происходили, когда мэр или епископ указывали на кого-то, кто был виноват в бедах: неурожае, болезнях, засухе, рождении мага или колдуньи.

– Но это же глупо! – воскликнула Тия. – Никто не виноват в стихийных бедствиях или вообще случайностях.

– Для варварской цивилизации – это нормально, – вздохнув, ответил я ей.

– Обычно преследуемых было мало, – продолжила Кейденс. – И погромы прекращались быстро, но тут произошло ужасное. У нас в городке люди и эльфы всегда жили в мире и не видели большой разницы между друг другом. А тогда епископ сказал, что во всех бедах виноваты эльфы, а мэр, он сам был эльфом, что люди! Мой папа попытался их разнять, но было поздно: они уже дрались во всю. Они... они просто не могли убить его, он... он был...

Тут Мийя уже третий раз за вечер расплакалась. Селестия обняла её крылом, позволив кобылке уткнуться в плечо, чтобы мы не видели слёз.

– Что за кошмарный мир! – она с ужасом посмотрела на путешественницу, потом на меня.

– Это люди. Они всегда притесняли всех, кто хоть немного отличался от них, – я ненадолго замолчал. – Мийя, может, договорим завтра?

– Нет, я всё равно теперь не усну, – она подняла голову и вытерла слёзы. – Мой папа, Джошуа Кейденс – пал... был паладином, святым воином, его не смогли бы победить какие-то деревенщины с вилами. Он был самым добрым и справедливым, он любил меня, хотя мы несколько раз с ним сильно ругались. Он

отправлялся на священные войны и к тому же женился на мачехе. Ужасная женщина! Она настраивала папу против меня, и не будь я волшебницей, неизвестно как обращалась бы со мной. Мне так не хватает мамы! Она умерла, когда я была совсем маленькой, – девочка кивнула, когда мы стали приносить соболезнования. – Спасибо. Именно поэтому папе пришлось находить мне учителей по магии и Истинной Речи. Они все были грубыми, часто били меня, – при этих её словах Селестия негромко охнула. – Самым хорошим среди них был Фонг: одноногий бывший боевой маг. Он был добрый, часто улыбался одной стороной рта, которая не была изуродована шрамом. Отец строго-настрого запретил ему обучать меня боевым заклинаниям, поэтому мне пришлось учить защитные. Если бы не эти заклинания, я не смогла бы попасть сюда. Но тогда, когда папа исчез во время погрома, я пожалела, что не настояла на своём, я возненавидела дерущихся и хотела сжечь! Сжечь их всех! – она едва сдержала себя, чтобы не стукнуть копытом по столу; потупила взгляд. – Вот только когда дело дошло до колдовства, я не смогла себе позволить сделать это, ведь папа бы мне никогда не простил убийство из мести. И тогда я решила всё исправить, вернуть, как было до погромов. Чтобы все любили друг друга, как раньше!

– Такое... такое заклинание просто невозможно! – ответила ей Селестия.

– Тия, не будь так строга, – вставил я. – От отчаяния ты попробуешь осуществить даже самое невозможное.

– Сел... тё... принцесса Селестия права, – Мийа явно не могла позволить себе обращаться к незнакомым старшим просто по имени.

– «Тётя Селестия» вполне подойдёт, – ответила ей правительница Эквестрии. – Можешь обращаться даже просто «Тия».

– Угу, – Кейденс кивнула в ответ. – Вы правы, такое заклинание невозможно, но тогда я просто не подумала об этом, – волшебница устроилась поудобнее. – Я достала из кладовки мамин амулет, платье, посох и жезл. Платье было великовато, зато без посоха я просто умерла бы. И начала ткать магию. Я не знаю почему, но заклинание сработало не совсем так, хотя люди и эльфы всё-таки перестали сражаться. А потом... потом они сказали, что я замутила их разум, подчинила своей воле, и что это я виновата в погромах. Люди и эльфы объединились, чтобы поймать меня и сжечь на костре как злую колдунью.

На этот раз Тия вскрикнула, я тоже дёрнулся и сжал зубы, меня начал переполнять гнев к обидчикам Мийи. А та продолжала:

– За что? Я же помирила их! Желала им только добра. Я помогла им увидеть истину. Я никого не убила, хотя очень хотела, – она снова заплакала, но на этот раз

уже не так сильно и не так горько.

А вот Селестия выглядела куда хуже, она едва сдерживала свои собственные слёзы. Теперь уже я обнял девочку и стал гладить по голове, которую она положила на моё плечо. От неё пахло чем-то очень приятным, и я едва сдержал себя, чтобы не укунить её за розовое ушко.

– Тогда я прибежала в руины Предтеч, где любила играть, когда была маленькая. В детстве я не до конца понимала Истинную Речь, но помнила, про надпись про какой-то секретный проход. А теперь, когда мои познания в Истинной Речи возросли, я прочла словоформу и перенеслась сюда. Я боялась, что за мной погонятся даже в другой мир, а здесь так удачно находилась инструкция, как закрыть за собой проход. А потом случилось что-то невероятное, какая-то чужеродная магия, я пыталась ей сопротивляться, подавить её источник, – она замолчала, а я разжал объятия. – Это какой-то очень странный сон, такого просто не может происходить. Все эти пони, копыта, крылья. Я просто проснулся и вернулся в реальность, где, может быть, даже погромов не было.

– Девочка, – тут же ответил я ей. – Это не сон. Ты действительно прошла через огненную бездну, такого никому не пожелаешь. Но теперь всё будет хорошо, ведь сейчас ты не спишь, а кошмар остался в прошлом.

– Мы никогда никому не дадим тебя в обиду, – Тия отошла от потрясения. – Вероятно, Эквестрия покажется тебе невозможным местом, но завтра, проснувшись, ты сама убедишься, что попала...

– В землю обетованную, – вставил я.

– Куда? – переспросила меня Селестия.

– Да так, – отмахнулся я. – Просто вспомнил выражение, которое используют люди.

– Завтра с утра научу тебя ходить, – Тия подняла в воздух охнувшую Кейденс. – А пока буду носить.

– Тия, ты что, будешь ночевать вместе с ней?

– Конечно, девочка такое пережила, она не заснёт одна. Не ты же с ней ночевать будешь? – правительница Эквестрии вопросительно подняла бровь, и мне стало как-то неудобно. – Даже не думай об этом, понял?

– Ой, похоже Урса Маджор превратилась в Селестию и узурпировала власть, – ухмыльнулся я. – Я вообще-то намереваюсь отправиться к Фолл Ремеди. Бывшие же никогда не бывают по настоящему бывшими, верно?

Я усмехнулся, и мы разошлись в разные крылья дворца. Тия никак не выдала свою ревность, если таковая и имела место.

Утром я и Селестия сидели в столовой, а Мийя осматривала себя перед зеркалом, она ещё неуверенно переступала с ноги на ногу и спотыкалась буквально на ровном месте. Юная кобылка внимательно посмотрела на гребень, нахмурилась, сосредотачиваясь, и попыталась поднять его магией. Рог охватило светло-синее сияние, плавно появившееся и на гребне тоже, он неуклюже приподнялся в воздух, но через секунду всё же упал. Кейденс выдохнула и вновь предприняла попытку.

– Ну как она? – спросил я у Ти.

– Нормально, – ответила та, жуя салат. – Сквозь сон называла меня мамой.

– О, – я расплылся в умильной улыбке. – Представляю, как тебе было приятно.

– Ты себя вспомни, – беззлобно огрызнулась она и повернулась к путешественнице. – Мийа, пойдём завтракать.

– Ну, было несколько раз, называл, – я ухмыльнулся и покачал головой.

Кейденс, аккуратно переступая с ноги на ногу, подошла к столу. Селестия с помощью магии усадила её рядом с собой, поставив миску полную зелёной травы.

– Это люцерна, – сказала она. – Все юные принцессы должны по утрам есть люцерну.

– Тут ничего не поделаешь, – я развёл копытами. – Радуйся, что ты почти взрослая и тебе не так уж и долго осталось её кушать по утрам.

– А вот и твой завтрак, Индре, – Селестия поставила передо мной тарелку с творогом и ложкой. – Ты уже дважды пропускал, – я отмахнулся копытом.

– Кстати, ещё один.

– Покажи. Где это ты так быстро?

– В темноте целовались, и несколько не рассчитали расстояние.

В ответ на мои слова Тия звонко засмеялась. Я закатил глаза и, наконец, показал ей зубы. Она посветила заклинанием, потом коснулась копытом в золотой туфле одного и резко надавила. Я охнул, сморщился и выплюнул зуб на стол. Кейденс ошарашено глядела на меня.

– Каждые пятьдесят-шестьдесят лет наши зубы выпадают, и на их месте за восемь-десять месяцев вырастают новые, – ответил я на вопрос, который она явно хотела задать. – Поэтому и приходится кушать творог.

– Ты этим так пугал своих приятелей в детстве, – тут же мечтательно сказала Селестия, вспоминая; на это я лишь улыбнулся.

– Простите, – перебила нас Кейденс. – А мне прямо так из тарелки есть?

– Пока можешь кушать так, – ответила ей правительница Эквестрии. – Но раз

ты у нас вполне взрослая волшебница, Мийя, то я сегодня научу тебя телекинезу, а ещё дней за пять – какой именно вилкой кушать салат.

– Точнее, мы, – поправил её я. – И летать тебя тоже научим.

– Вот тут лучше я сама. У тебя есть опыт обучения магии, ты когда-то сам остался без пальцев и поэтому поможешь с телекинезом. А полёты оставь мне, я научила летать Луну и тебя, научу и Мийю. Кстати, – Селестия обратилась к новенькой, – тебе лучше взять другое имя, более подходящее. И не слушай Индре, он в этом смысле головы морочить хорошо умеет.

– Спасибо большое! Значит и у меня через пять-шесть лет зубы выпадут?

– Не пять-шесть, а пятьдесят-шестьдесят, – сказал я, и мы с Тией переглянулись. – Нам кое-что тебе ещё нужно рассказать, но сначала доешь люцерну.

Эквестрия, 774 год эпохи Монархии.

Как же мы с Селестией ошибались, когда рассчитывали, что я и Кейденс, или принцесса Миа Морэ Каденза, как теперь её звали, составим счастливую пару. Да, конечно, у нас было очень много общего, мы хорошо понимали друг друга. Но ни о какой любви и речи не шло. Нас не тянуло друг к другу в этом плане. Не знаю, что думала на этот счёт обо мне Миа, но я питал к ней только дружеские и покровительственные чувства. Просто не мог представить её своей особенной пони. Может быть, это из-за формы челюсти как у Селестии, а может из-за совершенно разных взглядов на мир. Я не чувствовал ни малейшего укора ревности, когда Кейденс флиртовала с жеребцами. Даже Селестию подобное устраивало.

А вот кто действительно ревновал, так это Фолл Ремеди. Единорожка с самого появления нового аликорна чувствовала себя не своей тарелке. Расстраивалась по пустякам, не находила себе места и постоянно расспрашивала меня. Обрести душевно равновесие ей помог случай, произошедший на Праздник Согревающего Очага. Особый талант Кейденс проявлял себя и раньше, и мы с Тией уже знали, что девочка способна мирить любящих друг друга пони. Любовь была её стихией, и именно поэтому мы не стали ей даже говорить о своих планах, ставших неактуальными. Однако мы ничего не говорили Фолл, и она изменила своё отношение, только увидев талант Мии своими глазами. Единорожка тогда присвистнула, заворожённо глядя на аликорна, но потом усмехнулась, сказав, что волшебница в принципе не способна кого-то приворожить, а лишь взаимодействует имеющимися чувствами. И невзначай попросила познакомить её с Кейденс.

Однако ни этот факт, ни даже второе расставание с Ремеди прямо перед брачным сезоном, не ухудшили моего настроения. Дело в том, что уча Кейденс обходиться без пальцев, основам магии, управлению хвостом и, когда Селестия была занята, полётам, я сдружился с новенькой. Да так, как, наверное, ни с кем ещё. Миа стала моим настоящим другом, а я – её. Мы болтали, дурачились, играли, летали, даже порой кушали вместе. Кейденс была ещё молода и подбивала меня на всевозможные приключения, после которых мне приходилось выгораживать её. А когда первый раз просто помолчали вместе, я понял, что наконец-то смог получить хотя бы половину от того, чего так желал – настоящую дружбу.

– Индре, давно хотела попросить тебя кое о чём, – сказала она как-то раз в начале года, когда мы сидели за столом друг напротив друга.

– Да? – вздохнул я, чувствуя подвох.

– Я тут заходила в школу для одарённых единорогов, чтобы взять пару книжек, и увидела одну вещь, которая напомнила мне о моём детстве.

– Какую же?

– Ты же вырос тут и должен помнить капкейки!

– Не понимаю о чём ты, – я недоумевающе нахмурился.

– Не притворяйся! – она укоризненно посмотрела на меня, наклонив голову. – Подними правое копыто.

Cupcakes, cupcakes, ladybugs awake...

– А-а-а, это. О Доброта, Миа, какая же ты ещё девочка! – я ненадолго задумался. – Слушай, давным-давно мне сильно не хватало более знакомого варианта, ты же знаешь Patty cake?

– Ну да! Хочешь? Давай, сначала правым копытом, потом левым, потом двумя.

И мы начали:

Patty cake, patty cake, baker... man

Я и Кейденс одновременно запнулись, она понимающе посмотрела на меня, а я лишь кивнул ей.

Bake me a cake as fast as you can

– Да уж, невесело тебе было, – сказала она.

– Ой, да ладно! Это такие мелочи по сравнению с настоящими проблемами, отмахнулся я. – Тем более что тогда я находил увлечение поинтереснее считалок.

– Настоящие проблемы?

– Я и Тия постараемся оградить тебя от большинства из них. Это потеря друзей и... – я посмотрел на её кюотимарку. – И любимых.

– Я знаю, – лицо Кейденс сразу стало мрачным. – Селестия уже говорила мне.

– Всё равно пока не потеряешь, не узнаешь, каково это, – я нахмурился. – Потеряв однажды лучших друзей, я страдал около пяти сотен лет, наблюдая за другими пони, которые дружили и веселились вместе. У меня не было друзей, их заменило одиночество, и я сам был в этом виноват. Но потом появилась ты, – я тепло улыбнулся. – Рад, что мы теперь лучшие друзья.

– Я тоже! – она улыбнулась в ответ. – А как же любовь? Ты никого не любил все эти годы? Даже я уже... к-хм.

– С этим у нас всё в порядке. Любовь была, и не один раз! – я ухмыльнулся, стараясь не предавать вниманию её последней недосказанной фразе. – А уж как забавно выглядит Тия, когда втюривается в кого-нибудь.

– Врешь же! – тут же воскликнула она. – Быть такого не может, чтобы принцесса втрескалась по уши!

– Ха-ха-ха! Такое бывает крайне редко, да и заметить можно очень не сразу и не всякому, но я тебе покажу как-нибудь, – я подмигнул ей.

– Это наверное крайне забавно, – мечтательно произнесла Кейденс.

– Да уж, – я вновь тяжело вздохнул. – Вот только крепкой и вечной «любви навсегда», как у других пони у нас не бывает, – нахмурившись, я продолжил. – Мы сами не допускаем этого, такая любовь оставляет неизлечимые раны на сердце. Я просто не знаю, что делать тебе, с твоей-то кюотимаркой в виде сердца, – я встал из-за стола, подошел к ней и обнял. – Миа, Миа, за что тебе такое бремя? Нести любовь другим, а самой...

– Ха-ха! Ну что за глупости-то! – к моему удивлению она несколько не огорчалась. – По сравнению с тем, что ждало бы меня в Пограничном мире, тут всё просто чудесно, идеально и сказочно! Это лучше чем мои фантазии и все мои мечты о будущем! И хотя мне иногда грустно, я не хочу другой жизни.

– Миа, – я обнял её ещё и крыльями. – Я рад за тебя. Мне всегда так легко и тепло на душе, когда близкие мне пони счастливы. И наоборот, я локти кусал, когда у Селестии сдавали нервы, и она плакала, желая не быть аликорном.

– А по ней и не скажешь, – Кейденс, выскользнув из моих объятий, о чём-то задумалась.

– Тебе тоже будет порой грустно, но скоро ты, подобно всем аликорнам, почувствуешь в себе желание и умение править. И тогда ты поймёшь: наша жизнь – это не проклятье. Это... – я сделал паузу, и внимательно посмотрел на Кейденс.

– Что это?

Я выпрямился, гордо поднял голову, спокойно и уверенно посмотрел на неё и произнёс голосом, не принимающим возражений:

– Вечная жизнь – бесконечное правление.

Миа уставилась на меня, открыв от удивления рот. Потом кивнула, улыбнулась мне, когда я расслабился и улыбнулся ей.

– Слушай, я давно хотела спросить тебя. А почему вы учите меня заклинаниям?

– Э-э-э, – вопрос поставил меня в тупик. – Ты же вроде как сильный маг, а в нашей жизни никогда не знаешь, что может пригодиться.

– Нет-нет, я о другом. Ведь магия – это воплощение своего воображения в реальность, а заклинание – просто ментальный приём, заранее заготовленное воображение, умение, выработанное в ходе тренировок. И мага прежде всего учат претворять в жизнь мелкие изменения, порождённые его воображением, а уже потом сложные приёмы-заклинания, специально разработанные магами-учёными.

– Я не силен в магии единорогов, но могу сказать, что в Эквестрии так исторически сложилось, что учат сразу заклинаниям, а уже потом самые сильные и умелые маги создают своим воображением новые.

– А ты?

– Я – маг Жизни, с магией единорогов у меня напряжённые отношения, воображение у меня развитое, но способностей маловато, поэтому обхожусь только телекинезом и светом. Ну и ещё одним заклинанием.

– Каким?

– Ой, а можно мне не говорить? А то это личное, – вообще-то это было заклинание, не дающее кобылке забеременеть, и Селестия должна была научить ему и Мию, но говорить я постеснялся.

– Хорошо. Ой, а можно мне тебе про личное рассказать? А то мне нужен твой совет. Только обещай никому не говорить!

– Если тебе действительно нужно, я помогу и обещаю никому не говорить.

– Ну... был брачный сезон, тут такое было... а я постеснялась. Жеребцы... я в общем испугалась. Ну и... вроде как. А Тия говорила, что это нормально, хотя...

– Ты переспала с кобылкой, – скорее утвердительно, чем вопросительно сказал я.

– Да, – облегчённо выдохнула Кейденс.

– Это нормально, Тия права. Видишь ли, когда-то давным-давно, ещё до появления аликорнов, у пони было огромное количество врагов, в основном хищников. И соотношение один жеребец на трёх кобыл являлось обязательным

условием для выживания вида. С тех пор многое что изменилось, пони смогли обеспечить себе безопасность, и чтобы не возникло перенаселения, стали жить парами. Так что ничего страшного, Миа. Кстати, если не секрет, кто она?

– Ты меня с ней познакомил, с Фолл Ремеди.

Мои брови непроизвольно поползли вверх, а челюсть медленно отвисла. «С Фолл Ремеди» всё ещё звенело у меня в голове.

– Ах, она мелкая... хитрюга! И что теперь?

– Не знаю почему, но любовь прошла так же бесследно, как и появилась. Видимо Тия права, – Кейденс обошла стол и обняла меня. – У меня никогда не было никого, кому я могла бы рассказать что угодно, любой секрет, любое переживание, любую мечту.

Я улыбнулся. Уже и забыл когда был так счастлив.

Что бы я не обещал Мии, но не поговорить с единорожкой я не мог. Застал бывшую, когда та паковала чемоданы.

– Собираешься уезжать? А мне ничего сказать не хочешь? – строго спросил я, бесцеремонно усаживаясь на один из тюков.

– Да, Индре, в Мэйнхэттен. О чём хотел поговорить?

– Ты сама знаешь. И не «о чём», а «о ком».

– А-а-а, принцесса Кейденс, – ухмыльнулась Фолл. – Всего лишь несильные чары приворота, они крайне недолговечны. Зато следующее расставание теперь будет переживать проще.

– Скажи честно, – я поймал её взгляд. – Ты просто решила переспать со всеми аликорнами, наплевав на наши чувства.

– Я всего лишь хотела узнать вас ближе, а переспать получилось само собой, – единорожка вновь усмехнулась. – Вы – потрясающие существа, Индре. Умные, сильные, порой расчётливые, но заботливые. И просто великолепны в кровати! А уж как вы обнимаетесь! Рада, что смогла хоть немного помочь каждому из вас, когда вы просили.

– Спасибо, конечно. Извини, если обидел, – я встал с тюка. – Я просто беспокоюсь за Кейденс.

– Ничего страшного, я тебя понимаю. Но сейчас время прощаться, – Фолл подтянулась и чмокнула меня в щёку. – До встречи.

Эквестрия, 807 год эпохи Монархии.

– Индре! Индре!

Из-за угла выбежала Кейденс, она неслась во весь опор, и казалось, что почти не разбирала дороги. Я уже хотел узнать к чему такое беспокойство, как увидел, что она вся в слезах.

— Миа, что случилось? — я обнял её, она уткнула голову мне в плечо и зарыдала.

Кейденс плакала и не могла внятно произнести даже слова, а я увидел, что её трёхцветная грива струилась в воздухе подобно туману. До меня сразу же дошло, что это волшебный бальзам Селестии, и я вспомнил, как она пыталась понарошку утопить меня. Но это же Кейденс, над ней так нельзя шутить! Я резко дёрнулся, попытавшись немедленно добраться до правительницы Эквестрии, и дело могло закончиться плохо, если бы подруга не удержала бы меня.

— Миа, это всего лишь розыгрыш! Это очень обидный, но всё же розыгрыш.

— Правда? Значит, это не останется навсегда? Мне не придётся их сбривать?

— Ох, ну конечно же нет! — поспешил я успокоить её. — А я уж думал, что Селестия напугала тебя чем-то похуже, — Кейденс посмотрела на меня взглядом полным надежды. — Дней через десять волосы станут прежними.

— Я просто не знаю, что мне делать, когда Тия так себя ведёт! — в сердцах воскликнула аликорн.

— А ничего. Ничего тут не поделаешь, такая уж наша правительница, что не может обойтись без довольно странных шуток и розыгрышей. Не переживай, она не со зла это делает. Я с ней обязательно поговорю, тебя нельзя так пугать.

— Спасибо, — она вытерла слёзы и поправила съехавшую набекрень тиару.

— Мелочи. Мне давно надо было Селестии сказать, чтобы была с тобой помягче, сам-то я привык к таким её шуткам. А сейчас пойдём куда-нибудь, где есть зеркало.

Мы сидели у Мии в комнате, и я, ловко орудуя телекинезом и копытами, пытался что-то сделать с её гривой. Коса кобылки явно не шла, поэтому пришлось собрать волосы в толстый жгут при помощи нескольких перевязей.

— Тоже не очень. Коса даже как-то лучше была, — отметила подруга.

— Расплетать? — спросил я. — Будешь ходить с туманом?

— Ага. Но всё равно спасибо за заботу, — она ткнулась носом мне в щеку.

— Да ладно, это такие мелочи.

Я с силой распахнул двери тронного зала и, хмурясь, вошёл в сопровождении стражников внутрь. Селестия сидела на троне и, как ни в чём не бывало, читала свиток. Её глаза бегали вдоль строчек, наконец, она оторвалась и посмотрела на

меня.

– Как это называется? – я даже не стал приветствовать её.

– Я могла бы задать точно такой же вопрос тебе, – строго ответила она. – Ты ведёшь себя неподобающе бесцеремонно.

– Ты можешь сколько хочешь разыгрывать меня, но не трогай Кейденс.

Принцесса тут же расхохоталась.

– Классно я её, а?

– Ничего классного в этом нет, – холодно ответил я. – Девочка прибежала ко мне в слезах!

– Ты слишком сильно о ней заботишься, её кавалеры будут ревновать.

– Опять ты за своё, – раздражённо сказал я ей.

– Я серьёзно, – лицо Селестии и вправду было предельно серьёзным, но я всё ещё не мог отделаться от мысли, что она шутит.

– Не важно, я всё равно буду её защищать.

– Защищать от кого? От меня? – Тия фыркнула. – Да, конечно, я понимаю тебя. Но серьёзно, Индре, умерь пыл, а я обещаю не шутить так над Кейденс, – она протянула мне копыто в золотой туфле. – Договорились?

– Договорились, но почему? – я вопросительно поднял одну бровь.

– Она уже принцесса. И рано или поздно тоже станет правителем, а правителю порой необходимо принимать сложные решения, которые даются очень нелегко. Да результаты порой трагичны. Вспомни себя и войну с грифонами. Миа должна быть готова к такому.

– Это логично, но не много ли правителей для Эквестрии?

– Какими темпами растёт население, количество городов и экономика, ещё и мало будет. Так что просто замечательно, что ты отстоял в войне с грифонами тот клочок земли. Теперь там располагается крупнейший портовый город Мэйнхэттен. Кстати, жители на центральной площади твою статую поставили.

– Да? Гляну когда-нибудь, хотя большие города мне не нравятся. Вообще надо бы им одну идею подкинуть, – я хитро улыбнулся. – Поставить там мне у моря ещё одну статую, только огромную такую, размером с башню. С факелом и книжкой, чтобы смотрела в сторону грифонов, как бы грозя им. И надписью: «Освободителю».

– Я-то думала у меня безумные проекты! – Тия, а вслед за ней и я, рассмеялись.

Эквестрия, 825 год эпохи Монархии.

– Это именно тот случай, когда любопытство чрезвычайно опасно, – Селестия повернулась, стоило мне только сделать пару шагов. – А, Индре! Садись, тебе тоже интересно будет послушать.

Входя в обычно пустующий зал для совещаний, я, плотно пообедав, надеялся отдохнуть и в одиночестве поразмыслить над будущим внешней политики Эквестрии. Но в зале уже сидели Кейденс и Тия, которая что-то с жаром толковывала юной принцессе. Проходя мимо нашей правительницы, я увидел, что та положила копыта на какую-то невзрачную книгу в переплёте из побледневшей синей ткани. Улыбнувшись Селестии, я аккуратно пододвинул её копыто, чтобы прочитать название, и моя улыбка моментально слетела с губ. Позолота почти облетела, но тиснёные буквы человеческого шрифта складывались в два слова: «Артис Обскурус». «Тёмное Искусство», книга, принесшая огромное количество зла пони, книга, которую Селестия так и не смогла уничтожить.

– Тия, это же она? – тут же спросил я, садясь напротив Кейденс.

– Да. Обычно я поощряю у пони тягу к знаниям, особенно не лежащим на поверхности, но не в этом случае. Хранилище с запрещёнными книгами не зря можно открыть только с помощью рога аликорна, – она посмотрела в сторону Мии. – И кое-кто этим воспользовался.

– Я... я... – та потупила взор. – Я побоялась спрашивать разрешение.

– И зря. Хорошо, что я установила кое-какие магические средства оповещения. Думала, что Индре рано или поздно решит прочесть этот древний фолиант.

– Чтобы ты потеряла меня, как свою сестру? – нахмурившись, ответил ей я. – Да никогда!

– Умничка, – Тия погладила меня крылом по голове. – Но в случае серьёзной опасности, ты бы не преминул воспользоваться этой книгой. Запрещать что-то нам двоим я не вижу смысла, поэтому пойдёмте в мои покои, где я просто расскажу, чем грозит подобное. И буду рассчитывать на вашу сознательность, – Селестия подхватила магией книгу и, дождавшись пока мы подойдём к двери, ведущей в коридор, последовала за нами.

В спальне правительницы Эквестрии было всегда по-домашнему уютно и спокойно. Мы втроём присели на разложенные около камина подушки, расслабились, и Тия начала рассказ.

С незапамятных времён, когда, наверное, даже пони ещё не существовало, Хаос уже пытался разрушить Барьер, и вторгнуться в незащищённые миры. Их

лучшие учёные ломали головы над этой проблемой, пока один из них не нашёл решения, основанного на самой природе непреодолимого препятствия. Портал в мир-барьер находится где-то в Эквестрии, и активируется специальным Ключом, истончающим ткань пространства. Этим-то истончением и воспользовались колдуны Хаоса, сделав ключ средством связи и передачи энергии. «Артис Обскурус» – не только справочное руководство по тёмной магии, но и инструкция к использованию Ключа, как способа получения помощи для уничтожения Барьера. Причём самыми подлыми способами искушая им воспользоваться. С помощью знаний, содержащихся в книге, заклинатель может влить в себя чудовищное количество энергии, образованной всей гаммой мыслей, желаний и чувств триллионов хаоситов к Порядку и Барьеру, скопившейся за тысячелетия. И чтобы получить силу, заклинателю придётся самому испытать все эти чувства. Ненависть, безудержная жажда власти, желание вселять страх, ломать волю и издеваться, ежеминутно доказывая своё могущество и превосходство. Это ужасающе отвратительно, но соблазн получения сверхсилы слишком велик. Когда Бестия нашла Ключ, папа с мамой отдали свои жизни, чтобы не дать ей насытиться мощностью. После их смерти четверо читали нечестивую книгу, и лишь я одна оказалась достаточно сильна, чтобы отказаться от всего, что сулило мне получение подобной безграничной силы. Как мне теперь кажется, всего лишь потому, что у меня уже были: власть, могущество, дружба и любовь.

Первым, кто прикоснулся к Ключу, был сын Бестии – Дискорд. Удивительно, но подобное не сломило его волю, хотя он перестал быть тем, кем был до этого. Почти сразу же Дискорд объявил, что ему было ведение о том, что все хаоситы заблуждаются в своих толкованиях природы Хаоса, и что только он один знает Истину. Сначала я радовалась... То есть мы все радовались, что Дискорд не пошёл по стопам предков, однако, радость быстро сменилось разочарованием. Самопровозглашённый Дух Хаоса пытался превратить Эквестрию, или хотя бы её часть, в место, лишённое всякой логики и здравого смысла. Результаты его стараний просто нельзя описать словами. Мозг цепляется за осколки осознанных действий, пытаясь построить взаимосвязи, но всё тщетно. Ещё Дискорд любил шутить над пони, но ни разу не останавливался, когда шутка начинала перерастать в пытку. Мы были вынуждены использовать Элементы Гармонии, чтобы остановить его.

Вторым был Сомбра. Миа, эту часть истории тебе нужно слушать особенно внимательно, ибо ты слишком сильно зависишь от любви, а вы вдвоём с Индре не смогли образовать пару, храня друг друга теплом своих сердец. Единорог Сомбра

Шейд любил Луну так, как никто её до этого не любил! Полностью, самозабвенно, отчаянно, опасно. Более того, он сам нравился моей сестре. Вот только не мог рассчитывать на взаимность. Иногда я влюбляюсь в смертного или смертную пони, и тогда отдаюсь во власть моих чувств. Мы вместе, мы счастливы! Потом наши принципиальные различия дают о себе знать, разрушая любовь, и мы расстаёмся. Правда, чаще всего нисколько не жалея о случившемся. Индре поступает точно так же, надеюсь, что и ты тоже. Но Луна была идеалисткой и неисправимым романтиком, она просто не могла себе представить никакой другой любви, кроме вечной. Поэтому остерегалась любить смертных, сильно боясь остаться наедине с бесконечностью горечи утраты. Сомбра Шейд знал это, и ради любви пошёл на преступление: выкрал фолианты и приступил к их чтению. И книги стали нащёптывать ему, что одного бессмертия мало – Сомбре нужна власть, чтобы быть равным с Луной. Тогда он разыскал Ключ и провёл тёмный ритуал. Кошмарный том «Каро Мутабилис» изменил его тело: наделил бессмертием, частичной неуязвимостью, искривил рог. А Ключ сполна напился ненавистью и одержимостью превосходства над другими. Сомбра Шейд в одиночку явился ко двору Кристальной Империи и буквально вдребезги разбил правящую семью. Провозгласив себя королём Сомброй и одев доспехи из тёмного металла, он сел на трон. К тому времени Луна его больше не интересовала, а любовь бесследно исчезла вместе со способностью сопереживать. Кристальная Империя погрузилась во мрак, а величайший артефакт древних аликорнов – Кристальное Сердце – исчез во тьме. Но этого было мало Сомбре, теперь единорог хотел большего – возвысится над всеми живыми существами. Он заковал в цепи почти всех жителей Кристальной Империи и отправил их в шахты добывать особые, резонирующие от эмоций кристаллы. Они помогли бы ему вобрать в себя невероятное количество силы и могущества из Ключа. Обитатели миров Хаоса, сами того не ведая, почти породили богоподобного монстра. Мы с Луной вновь были вынуждены использовать Элементы Гармонии. Однако к тому времени Сомбра стал уже слишком могущественен, и нам удалось всего лишь победить его в одной схватке и оглушить на время. Изменившегося единорога уже невозможно было обезвредить ни магией, ни Элементами. Тогда я и Луна заточили его на дне расщелины в вековых льдах, а потом соединили края разлома, навсегда заточив Сомбру в холодной тюрьме. Перед этим король-тень проклял Кристальную Империю, и она исчезла без следа. Вечножадный до тепла лёд должен был в течение столетия полностью выпить силы и убить свергнутого короля, вернув исчезнувшее государство, но этого не произошло. И я не знаю почему.

Вот по этой причине, дорогие мои, никогда даже не пытайтесь читать эту книгу. Какие бы благие цели вы не преследовали, знания, содержащиеся в этом фолианте, исказят их.

– А что же Луна? – спросила Кейденс.

– Это вторая часть истории о любви единорога к принцессе, – ответила ей Селестия. – Луна слишком поздно поняла, что Сомбра стал таким потому, что сестра отказала бы ему в любви. Что именно она косвенно виновата в смерти правящей династии Кристальной Империи. Сестрёнка даже не хотела обрекать свергнутого короля на медленную и мучительную смерть, но без неё я бы не справилась. И этот поступок надломил её.

– Она превратилась в Найтмэйр Мун?

– Не сразу. И это не произошло бы вовсе, если бы не я, – Селестия повернулась ко мне. – Индре, ты помнишь то время? Первые года эпохи Монархии?

– Смутно, – ответил я, припоминая. – То было беспокойное время, шла война, и ты была постоянно занята управлением Эквестрии.

– Именно. Как я ни старалась, государственные дела отнимали почти всё моё время. Время, которое я была обязана посвящать и своей сестре тоже. А вместо этого я допустила три чудовищные ошибки. Сначала, не заметив, насколько тяжело переживала Луна фактически убийство Сомбры, я сухо поблагодарила её за помощь.

– Но ведь ты сказала спасибо за помощь тебе, а не за свержение колдуна! – воскликнула Миа.

– Да, но мне стоило дважды подумать над своими словами, прежде чем говорить. Особенно во второй раз, когда сестра пожаловалась мне на то, что потеряла пони, который любил её больше всего на свете. А я, избалованная народной любовью, лишь упрекнула Луну в капризах и подростковом поведении.

– Но это... это неправильно! – вновь не удержалась Кейденс. – Я не знаю, как я смогла бы подобное пережить.

– Нет-нет-нет, Миа, не бойся. С тобой такое не случится, мы просто не допустим этого, – Селестия встала с подушки, и, подойдя к сидящей кобылке, обняла её. – Всё будет хорошо.

– Ну а какая же третья ошибка? – спросил я.

– Самая страшная. Я сказала Луне, что после решения проблем с Дискордом и Сомброй мне уже не нужно будет так нагружать её государственными делами, и что я справлюсь сама. А сестрёнка расценила это как покушение на то, что делает

аликорна аликорном. На её потребность управлять Эквестрией. И это стало последней каплей, – Тия ненадолго замолчала. – Впрочем, больше таких ошибок я не допускала.

– Так вот почему ты доверила мне управление Эквестрией сразу же, как я только захотел, – произнёс я. – Ты боялась, что я пойду по стопам твоей сестры!

– Да. Растить тебя временами было очень нелегко, но я уже умела различать твои капризы и жизненные потребности аликорна.

– И за это спасибо тебе ещё раз.

– Не стоит благодарности, это был мой долг, – улыбнулась мне в ответ Селестия и повернулась к сидящей рядом Мии. – И тебя, Кейденс, мы тоже будем оставлять управлять Эквестрией в одиночку, пока отдыхаем у моря. Причём править тебе понравится больше, чем плескаться на тёплом побережье.

– Спасибо. Я не подведу вас, – уверила нас моя подруга. – Но мне всё же интересно, что тогда ответила тебе Луна.

– Ничего, – тихо ответила Тия и понурила голову. – Её глаза наполнились грустью и разочарованием. Она молча развернулась и, несмотря на мои оклики и извинения, молча вышла из тронного зала, а потом взяла книгу и улетела. Поздним вечером я нашла её сидящей здесь, на балконе вместе с фолиантом, – принцесса показала копытом на стеклянную дверь. – Как только я подошла к ней, она начала петь. Никогда не забуду эти строчки, настолько они врезались в мою память.

Селестия села ближе к пустому камину и, прижав к себе подушку, посмотрела на заходящее солнце. Буквально через несколько секунд с её губ сорвалась протяжная песня. Тия сильно растягивала гласные, беря высокие ноты, от чего на душе становилось ещё более грустно и тоскливо. Я сразу же представил плачущую Селестию и поющую на балконе Луну, такую, какую видел на картинах. Кейденс пододвинулась ко мне, и мы стали слушать.

Ask not the sun why she sets.

why she shrouds her light away,

Or why she hides her glowing gaze,

when night turns crimson gold to grey.

For silent was the guilty sun,

as day to dark does turn.

One simple truth she dare not speak:

her light can only blind and burn.

No mercy for the guilty.

Bring down their lying sun.

*Blood so silver and black by night.
Upon their faces – pale light.
Cruel moon will bring the end,
And dawn will never rise again...*

На последней строчке я сжал зубы, сдерживая подступившие слёзы, а Кейденс не выдержала и зарыдала, уткнувшись мне в грудь. Я приобнял её крылом и посмотрел на Тию. Её лицо выражало чудовищное страдание, а по щеке тоже катились солёные капли. Как же она корила себя за тот поступок! Как же хотела вернуть Луну! И даже нам передала это стремление.

– Это был последний раз, когда я видела свою сестру, – при этих словах Селестии Миа громко всхлипнула. – Я пыталась достучаться до сердца злобной твари, зовущей себя Найтмэйр Мун, но всё оказалось бесполезно. Именно поэтому, дети мои, никогда не читайте «Артис Обскурус».

– Я обещаю, – ответил я, а Кейденс лишь пару раз кивнула, всё ещё тихо плача. – Мы обещаем.

Эквестрия, 858 год эпохи Монархии.

Проснувшись этим хмурым осенним утром, я, не открывая глаза, понял, что тоска, мучившая меня последние пару недель прошла. Я лежал в объятиях кобылки и затылком чувствовал её ровное дыхание. Рог приятно гудел, значит, это была единорожка. Интересно, кто же? Я разлепил глаза, серый свет был всё равно слишком ярким, не стоило вчера пить столько вина. Потянулся, разминая затёкшие ноги, и повернулся, чтобы разбудить единорожку, нежно поцеловав её. Рядом со мной лежала Миа. Я закрыл глаза. Это просто не могло быть реальностью, скорее всего, необычный сон. Я открыл глаза. Кейденс проснулась, захлопала пушистыми ресницами и уставилась на меня. Это был конец. Я совершил самый опрометчивый и самый разрушительный поступок в своей жизни. И необратимый к тому же.

– Это конец, – только и смог сказать я.

– Индре? Мы что, вчера... – Миа выглядела ошарашенной.

Ну вот и всё. Кончилась наша дружба. Я столько лет берёг её, так дорожил ей. А теперь мы с Кейденс переспали, и наши отношения изменились. А раз мы всё равно не пара, то я потерял друга, и не приобрёл ничего. Вот сейчас она осознаёт этот факт, впадёт в истерику, обвинит меня, и всё закончится. Или обвинит себя, что ещё хуже, и решит, что недостойна быть моим другом. Нашей дружбе придёт конец, это лишь вопрос времени. И во всём виноват я, а пострадает ещё и она.

– Кейденс, я не знаю, как это произойдёт... – я замолчал на полуслове, в моей

голове из тумана всплыло воспоминание. – Я же предупреждал! Я же говорил, что этого достаточно. Зачем? Это я виноват, что пошёл у тебя на поводу, поделом мне.

– Что? Я тебя плохо понимаю. Что вчера произошло?

– А ты не помнишь? – я улыбался, возможно, ещё не всё потеряно. – Ты же вчера мне сказала, что так и не попробовала вина, будучи человеком, а я тебе ответил, что Тия держит небольшой запас, и что мы можем устроить дегустацию.

– Вино мне понравилось, это я помню, – сказала Миа. – Приятный терпкий вкус.

– А я тебе сказал, что выпьем немножко, потому что от вина у пони срывает крышу. Помнишь? А ты сказала, что можно бы и ещё, а я, дурак, почему-то согласился.

– О, Доброта! – воскликнула Кейденс. – И после этого я на тебя... накинулась?

– Нет. Сначала ты надела на нас вот это, – Я показал ей свою переднюю ногу, на которую всё ещё был надет длинный полосатый красно-жёлтый чулок. Ещё несколько таких же валялись у кровати. Кобылка быстро вылезла из-под одеяла, пара чёрно-зелёных чулочков аппетитно облегали её задние ноги, доходя до кюйтмарки. Мои щёки загорелись, и я отвёл взгляд, чувствуя, как расправляются мои крылья. – Вот после этого, мы оба друг на друга набросились. А во всём виновато вино. Мы никогда так не поступили бы, Миа.

Она внимательно слушала меня, а потом, нахмурилась и покачала головой.

– Я не знаю...

– Давай... – я тоже немного замялся. – Давай выкинем из головы этот случай, как будто ничего не было. Я... я не хочу потерять друга. Пожалуйста! – Кейденс ошарашено глядела на меня. – Вино довольно опасная штука, именно поэтому Селестия никогда не пьёт его при нас больше чем полбокала, – я некоторое время молчал. – Мы же всё ещё друзья? Миа?

– Если, – она печально опустила голову. – Если, ты меня простишь, но я не знаю, как такое можно простить!

– Тебе не за что извиняться, – я положил копыто ей на плечо. – Но я тебя прощаю, если ты простишь меня, пожалуйста.

– Прощаю! – воскликнула она и зажала в удушающих объятиях; мы некоторое время просидели так, радуясь, что смогли договориться. – А что это за волшебство со скрещиванием рогов? – шепнула Кейденс мне в ухо.

– Что? – я разжал объятия. – Ты разве не знала? Ты же встречалась с Фолл Ремеди. Все единороги...

– Ну-у-у... – она застенчиво опустила взгляд. – Она мне ничего не говорила. И у меня никогда не было с другими единорогами. Они все такие заносчивые.

– Да ладно! Быть какого... то есть э-э-э... бывает, – я неловко улыбнулся, понятия не имел, почему Ремеди ей ничего не сказала. – Ну вот, теперь знаешь о древней забаве единорогов – обменом магией через скрещенные рога. Странно, что Фолл или Тия не рассказали. Тебе ещё повезло, я-то буду молчать, что ты не знала, а вот другие могли бы и проболтаться.

– А я не скажу, что ты почти не умеешь целоваться! – она засмеялась.

– Что? Ничего подобного! – воскликнул я. – Просто у тебя челюсть не такая, как у обычных кобылок!

– Точно! Ты же... хи-хи, – она улыбнулась, мы вновь пребывали в хорошем настроении. – Ладно, пойдём уже завтракать.

– Стой-стой-стой! – я едва ухватил её за плечо. – Мы же не хотим никаких слухов? Они конечно всё равно поползут, но я тебя научу, как им препятствовать.

– Знаю, – отмахнулась крылом Кейдеденс. – Всегда говорить «всё это неправда».

– Ни в коем случае! – я почти сорвался на крик. – Так ты только убедишь своих собеседников в их правоте. Фыркни и скажи, что это их нелепые фантазии, или рассмейся и заяви, что большую несуразицу ты ещё не слышала. Это конечно тоже не спасение, но всё же.

– Поняла. Тогда ты давай в окно, а я использую заклинание невидимости и пойду через дворец, встречаемся в столовой.

– Договорились, – мы стукнули копытами.

«Какая же она ещё девочка» подумал я. «Шпионские игры, приключения и интриги». Вдохнул. На самом деле ни я, ни Тия принципиально ничем не отличались от Кейдеденс в этом плане.

Эквестрия, 874 год эпохи Монархии.

Дела последнего столетия отвлекли нас от самого главного – поиска Хранителей для Элементов Гармонии. Осталось чуть больше столетия, а мы ровным счётом не были готовы к возвращению Найтмэйр Мун. Вообще никак. Это обстоятельство порой мешало мне засыпать и отбивало аппетит. Однако все мои попытки передать своё волнение Селестии терпели неудачу, она была подчёркнуто спокойна и лишь просила меня не давить на неё постоянно. На мой вопрос о том, что мы будем делать в случае неудачи, Тия ответила, что всегда можно изгнать чудовище ещё раз. Я посоветовал ей поставить себя на место тёмной колдуньи,

которая сама не стала бы возвращаться, не найдя средства обезопасить себя от повторного изгнания. Но Селестия сделала вид, будто бы у неё есть какой-то план действий, хотя мне всё больше и больше казалось, что она уповает на некую случайность, которая должна подвернуться.

В итоге я сменил тактику. Вместо того чтобы постоянно напоминать правительнице Эквестрии о близящейся угрозе, я подговорил Кейденс. С её знанием Истинной речи мы могли бы слетать к воротам и попытаться найти какую-нибудь информацию. План сработал на все сто. Как только об этом узнала Тия, она сразу же оживилась и заявила, что ни за что не отпустит нас одних. Наконец-то шаг в правильном направлении.

Первым пунктом нашего путешествия были те ворота, через которые прошла Миа. Мы сидели в воздушном экипаже, летящем к границам исчезнувшей Кристальной Империи, туда, где в подземном храме Предтеч находилась цель нашей экспедиции. В отличие от Эквестрии, тут было уже весьма холодно, но пока ещё сухо. Я поправил китель, дотронулся до амулета, проверил, свободно ли меч покидает ножны.

– А у меня предчувствие чего-то нехорошего, – внезапно сказала Тия.

– Наверное, у меня тоже, – я думал, что мне просто передаётся её волнение, но, похоже, что это было не так.

– И у меня, – добавила Кейденс, плотнее закутываясь в ватное одеяло.

– Тогда это уже не предчувствие, – нахмурилась Селестия. – Это ощущение, напоминание нам, что он всё ещё жив.

– Сомбра? – спросил я.

– Да. А вот и ворота, мы почти прибыли.

Я отвлёкся от мыслей и посмотрел вниз. Воздушный экипаж, сопровождаемый пегасами, снижался прямо над полуразрушенной постройкой, служившей входом в подземный комплекс лестниц и залов. Вся наша процессия остановилась рядом со строением, и мы спрыгнули на землю. Я огляделся, ландшафт тут был донельзя тоскливым: жухлая трава, серые камни, ещё более серое небо, пронизывающий ветер, ни одного деревца, на севере виднелись заснеженные горы. Озноб пробежал у меня по спине, и я поёжился. Не нравился мне этот горизонт, очень не нравился. Да и солдаты испытывали схожие чувства.

– Рассредоточьтесь, окружите строение и займите оборону, – приказал я. – будьте готовы ко всему.

Пока Кейденс наколдовывала себе защиту от холода, я глянул на север, в сторону исчезнувшей Кристальной Империи и моргнул заслезившимися от ветра

глазами. Очень хотел оказаться сейчас в купальнях, сидеть по шею в тёплой воде и вдыхать влажный воздух. Словно решив поиздеваться надо мной, на нос опустилась снежинка, по виду сухая и холодная. Наконец мы зашли внутрь странной крошечной часовни или капища и стали спускаться вниз.

– Миа, ты ещё помнишь Истинную Речь? – спросила её Селестия.

– Конечно, а вы разве когда-нибудь задумывались какая странная у нас память? – мы покачали головой. – Мы можем сказать «завтра», а вспомнить об обещании только через двадцать или тридцать лет. Мы можем почти не помнить что-то, но начав вспоминать, восстановим знания полностью. Мы можем начать разговор, а продолжить его лет через сорок, помня начало так, как будто бы это было только вчера.

– Ну, а что собственно тут странного? – удивилась Тия.

– Всё. Создаётся впечатление, что наша рассеянность следствие того, что мы помним огромное количество событий.

– Так уж организована память у аликорнов.

– Тебе есть с чем сравнивать, Миа, – заметил я. – А я уже подзабыл как это, помнить по-другому.

Мы оказались перед огромной фреской, с изображённой на ней белым аликорном. Она все так же величественно смотрела на стоящих перед ней. Селестия усилила свет, исходящий от её рога, и Кейденс стала читать тексты, бормоча что-то про себя.

– Это не начало, – она обернулась и подошла к стене позади нас. – Тия, посвети сюда, пожалуйста.

Я уселся на холодный пол, показавшийся мне ещё и мокрым. Минут через пятнадцать подруга оторвалась от разглядывания спиралей и грустно посмотрела на нас.

– Тут огромное количество схем механизмов, созданных её помощниками, – волшебница кивнула головой на изображение белой пони. – Комментарии, из которых мне удалось немного восстановить историю. Но никаких ответов на вопросы «почему?» и «зачем?» нет.

– А как звали её? – спросил я.

– Не знаю, тут сказано, что она приказала «впредь называть её Первой, а величать принцессой», потому что она стала первым аликорном.

– Так вот откуда пошла традиция, всех аликорнов сразу считать принцами и принцессами, – заметила Тия.

– Меня до сих пор раздражает, когда ко мне обращаются «принц», – вставил

я. – «Верховный друид» куда более нейтрально и сразу же располагает к разговору.

– А мне вот наоборот нравится! – Миа улыбнулась до ушей. – Эта самая хорошая часть истории, дальше – всё грустно. У Первой был главный помощник, именно он создал врата и систему запечатывания Эквестрии, а она – аликорнов, воспользовавшись магией Пре... Преторианцев, Магией Информации.

– Где-то я уже слышал это слово, – нахмурился я. – Вспомнил! Вик говорил, что это та самая древняя цивилизация, создавшая Барьер и Столп Восприятия.

– Наверное, – Миа пожалала плечами. – Магия Информации считалась магией Хаоса, и была запрещена, но всё-таки её использовали и создали устройство превращающее Предтечу в аликорна. А потом, я тут не поняла слово, но по смыслу оно означает не то военных, не то стражей. Они отобрали у Первой проект, а ей это сильно не понравилось. И это всё, что есть.

– А поче... ах, ну да, ты же говорила, тут нет ответов на этот вопрос, – поправила себя Селестия.

– В этом все люди. Любую разработку прежде всего рассматривают с точки зрения её применения к военному делу, а уже потом ко всем остальным, – я тяжело вздохнул; иногда радуешься, что ты больше не такой, кем был раньше.

К вратам в королевстве грифонов Селестия и Кейденс отправились без меня. Я примерно на месяц остался в Кантерлоте один. Сидел в тронном зале и поправлял съезжающий с непривычки обруч, обсыпанный изумрудами – символ моей власти. Решение государственных дел не составляло для меня сложности и, уж тем более, не было в новинку. Самой большой моей головной болью была Филомина, засыпающая мою тарелку выпавшими перьями. Принцессы вернулись отдохнувшими и жизнерадостными: шутили, смеялись и тепло обняли меня по прибытии. Они притащили несколько тетрадок переписанной техномагической информации и данных, в которых даже Миа не смогла разобраться.

Следующей нашей целью были врата, находящиеся в пещере на территории, где пони жили в доэквестрианские времена. Здесь располагалась целая гранитная доска с вырезанными на ней рядами спиралей, а под ними короткие надписи сделанные неизвестно кем. Миа долго читала все письмена, и мрачнела с каждой строчкой, бормотала что-то под нос, потом положила копыто на грудь, глубоко вдохнула и, отведя его в сторону, выдохнула, возвращая себе душевное спокойствие и равновесие.

– Вам нужно это знать, – сказала она. – Я сейчас как можно более подробно переведу.

Мы уселись и принялись слушать.

– Вы, преступники, волею милосердия избавлены от казни, и вам дана возможность последний раз послужить народу, к которому вы принадлежали. Дыша атмосферой Эквестрии, вы умрёте до тридцать пятого дня, и приговор будет приведён в исполнение. Запечатав Эквестрию, вы останетесь в живых, но не думайте, что на этом искупили свою вину. Вы считали себя независимыми от общества, и вы получите отгороженность от него. Вы считали себя лучше правителей, за это вы получите власть сполна вместе с зависимостью от неё. Вы считали, что жизнь гражданина не для вас, и теперь вы увидите смерть ваших друзей, любимых и детей, если заведёте таких. Вы хотели жить, и вы познаете вечную муку нового бытия. Вы хотели свободы выбора, и вы всё ещё можете убить себя, – Кейденс перевела дыхание. – Внизу бранные заметки тех, кого отправили сюда.

Мы с Тией ошарашено глядели на нашу переводчицу. Я попытался что-то сказать, но не смог найти слов. Когда-то давно стать аликорном считалось почти так же плохо, как и умереть, а я сам захотел стать таким. А как была счастлива Кейденс!

– Мы прокляты, – наконец сказала Селестия. – Я была уверена, что наша жизнь – это...

– Наказание, – продолжила за неё Миа. – Сюда ссылали преступников, которых отмазали от смерти.

– Девочки, – я попытался поднять им настроение. – Но ведь та с фрески, она создавала нас не для этого. Изначально это был дар тем, кто решил пожертвовать собой и остаться в Эквестрии навсегда! Для преступников стать аликорном было наказанием, а для тех, кто готов был пожертвовать всем во благо общества – подарком. К тому же только представьте, какой же сильный культурный кризис постиг цивилизации, что жизнь тут кажется Кейденс лучше, чем её мечты! Не важно, в каком ты положении находишься, важно кто ты! Мы не преступники, мы не стали воевать друг с другом, мы сами поддерживаем гармонию, мы необходимы Эквестрии!

Я подошёл и обнял обеих.

– Ты немного перегибаешь палку, – сказала Тия. – Но в твои слова уж очень хочется верить.

– Ничуть не перегибаю! Давайте уже слетаем к последним вратам, тем более что они расположены недалеко от Кантерлота.

А вот тут уже никакого храма не было – одни руины. Прямо у начала спуска ко внутренним помещениям врат, я заметил вырезанную на каменном столбе надпись. Тут же подозревая Кейденс, я показал ей спирали, и она быстро прочла написанное.

– Ничего особенного, – сказала она поморщившись. – Автор жалуется, что расцветка аликорнов ужасна, у него алая грива, какого-то особенно вырвиглазного цвета, и болотно-зелёная шерстка. Странное, абсолютно...

– Дикой, ни с чем не сочетающейся раскраски, – перебил её я. – Тия, ты помнишь, откуда это? Это слова О.Б. Клэйсона из книжки друидов об аликорнах. Выходит, что «прославленный мироисследователь» даже не видел аликорнов, он просто прочёл написанное, возможно расспросил пони и всё!

– Какая ирония, ты восстановил содержание книги спустя почти девятьсот лет после того, как эти знания стали для тебя бесполезными, – усмехнулась Тия.

– Да уж вовремя, – я криво улыбнулся.

Хорошо, что проход в зал телепортации не был завален. Кейденс внимательно осматривала каждую стену и делала записи в толстой тетрадке.

– Что-то интересное? – спросил я.

– Не то чтобы очень, – она улыбнулась. – Просто выписываю красивые конструкции языка. Это как забавные словосочетания, метко выражающие суть. Но тут и слова нет об истории. Какие-то заклинания, но я не знаю и трети слов и не буду использовать их. Неизвестно к чему это всё может привести.

– То есть, если тут и есть запись заклинания...

– Словоформы, – поправила меня Миа.

– Да. Чтобы распечатать Эквестрию, то ты её не найдёшь среди других?

– Угу. Пошли назад, там по пути я видела небольшую запись на стене, посмотрим что там.

Мне сразу не понравилась эта надпись, точнее её рубленый шрифт. От него буквально пахло военной машиной и жестокостью.

– Хм-м-м, – Кейденс прищурилась. – Похоже на запись в дневнике. Или отчёт. Странная дата... – она углубилась в чтение, а через минуту неожиданно вскрикнула от ужаса, за пару секунд дочитала до конца надпись и бросилась ко мне.

Моя лучшая подруга всхлипывала, по её лицу текли слёзы, мы с Селестией обняли её, пытались успокоить.

– Миа, что там?

– Они, – кобылка едва сдержала судорожное рыдание. – Они убили их! Убили всех!

Тут она заревела так сильно, что обеспокоенная Тия буквально вырвала Кейденс у меня, обняла её крыльями, стала гладить по голове и легонько покачиваться, успокаивая девочку. Моё сердце часто стучало в груди, я мерял комнату нервным шагом и не знал, что и думать.

– Они убили их, – вновь произнесла Миа. – Военные или кто бы они ни были. Случилось что-то плохое, кто-то из аликорнов попытался установить связь с Хаосом, и солдаты получили приказ – не оставлять преступников в живых. Они пришли в Эквестрию и убили всех аликорнов. Не только родителей, но и их детей, и малышей. Нашли всех с помощью магии и... и... казнили, – она заплакала, но на этот раз более тихо.

Я сидел с открытым ртом и ошарашено таращился на правительницу Эквестрии.

– Почему? – сказала она жалобным голосом, от которого сердце буквально рвалось на куски. – Почему они убили детей? Разве те виноваты в грехах родителей?

– Это превентивный удар, – я закрыл глаза и покачал головой. – Инстинкт выживания диктует им вычистить свои ряды от тех, кто может представлять хоть какую-нибудь опасность. Без разбору. Безжалостно. Воистину первый признак краха цивилизации. Они настолько боялись угрозы их сытой жизни, что готовы были убить любого.

– С тех пор мало что изменилось, – опустив голову, грустно добавила Кейденс.

– Не знаю, – я поджал губы. – В моём родном мире, уже девятьсот лет назад детей стали жалеть, даже детей врагов. Правда, это было после череды кровавых войн. Но я думаю, тут многое зависит от мира, в котором ты живёшь.

– Не всех, – неожиданно сказала Селестия. – Они убили не всех. Теперь я поняла, о чём говорилось в тех полуистлевших свитках, которые хранятся в кантерлотском архиве. Аликорны древности использовали Ключ, они изменили себя, чтобы их не нашли и не убили. Стали чейнджлингами, – неожиданно для меня с Кейденс, Тия обняла нас обоих, прижав к себе. – Я никогда не дам вас в обиду! Никому! Пожертвую собой, но защищу вас.

– Тия, не нужно изображать из себя Урсу Маджор. Втроём мы сможем защитить друг друга и Эквестрию от чего угодно.

Эквестрия, 893 год эпохи Монархии.

От Селестии приятно пахло цветочными духами, о чём я не преминул ей

сообщить, после того, как мы обнялись.

– Спасибо, солнышко, – ответила она. – Ты выглядишь таким бодрым после отпуска.

– Ты тоже, а ещё и помолодевшей.

– Спасибо ещё раз, но не много ли комплиментов за одну минуту?

– Просто констатация факта, – заявил я и добавил с каменным лицом. – Тебе, кстати, идёт хвостик.

– Индре! – она толкнула меня в бок. – Я уже красная вся, а нам ещё Кейденс хвалить нужно.

– Ха-ха, – я коротко рассмеялся, улыбаясь до ушей.

Наш отдых закончился, и теперь мы вернулись во дворец, где два месяца на троне Селестию заменяла Миа. Когда мы вошли в тронный зал, она вскинула голову и тепло нам улыбнулась.

– Ну как прошёл отпуск?

– Отлично! Восточное побережье просто замечательное в это время года, – сказала Тия.

– А на западном немного штормило, поэтому вода была прохладная и бодрящая, – добавил я.

– Я вас заждалась! – воскликнула она. – Соскучилась.

– Тяжело было? – спросил я.

– Конечно, нелегко, – ответила за неё Тия. – Но девочка отлично справилась.

– Спасибо, – застенчиво произнесла Кейденс, уступая трон правительнице Эквестрии.

– Миа, – я обратился к своей подруге. – Можно тебя попросить кое о чём.

– Конечно.

– Встань, пожалуйста, сюда, – я указал ей на место перед троном. – Нет, боком к Тие. Ага, вот так, – я сам встал в такую же позу позади неё. – Ну как?

Селестия прищурилась, посмотрела, повертела головой и, наконец, сказала:

– Твой рог чуть-чуть длиннее, но совсем ненамного, – она улыбнулась, задорно подмигнув мне.

– ДА-А-А! – радостно завопил я, прыгая вокруг Кейденс. – Да-да-да-да-да-да-да!

– Вам что заняться больше нечем, кроме как рогами мериться? – серьёзно спросила та, но я сгрёб её в объятия и чмокнул в щёку.

– Не очень то и радуйся, Индре, – оборвала радость Селестия. – Её рог ещё может догнать твой.

– Ничего страшного, не перегнуть же!

– Тия, Индре, ну может, хватит уже, а? – не выдержала Кейденс.

– Не будь такой серьёзной! В нашей жизни не так уж много вещей, которым можем радоваться. Лет тридцать походишь букой и впадёшь в тяжелую депрессию, а нам что с тобой тогда делать? Так что уж лучше рогами мериться.

– Кстати о рогах, – вставила Тия. – У вас голова не болит? А то у меня как будто рог... не знаю даже. Давит что ли.

– Я ничего не чувствую, – ответил ей я.

– Я тоже.

Впрочем, к вечеру Мие пришлось изменить своё мнение. Я бы сказал, что это произошло из-за совершенно испортившийся погоды, но так преуменьшать положение дел я просто не мог. Разыгралась самая настоящая магическая буря! Всё небо было затянуто тёмно-серыми тучами, между которых сверкали бело-сиреневые молнии магической энергии. У большинства единорогов сильно болела голова, Кейденс вжалась в меня, закрыв глаза, Селестия чуть ли не теряла сознание. Мы находились в спальне правительницы Эквестрии, где та лежала на кровати и стонала от боли. Придворные врачи сновали туда-сюда, но помочь ничем не могли.

– Индре, ты знаешь что это? – тихо промолвила она.

– Я думал у тебя спросить, но не хотел тревожить.

– Эквестрия распечатывается. В прошлый раз было то же самое. Мне пришлось поить Луну маковым настоем, она так плакала, – Тия всхлипнула.

– Вот и ты выпей, и Кейденс тоже дай. А я послежу, чтобы всё было в порядке.

Я оставил принцесс под присмотром докторов, а сам пошёл успокаивать пони. Решил не кричать с балкона, а вместе со стражниками-пегасами выйти на центральную площадь. В собравшейся толпе почти не было единорогов, которые в данный момент лежали по домам и выли от боли подобно принцессам. Мне редко когда приходилось радоваться, что мои способности к магии единорогов очень скромные, и это был как раз тот случай. Неприятные ощущения были, но это – сущие пустяки по сравнению со страданиями Селестии. Не знаю, впечатлила ли моя речь собравшихся пони, или заверения выглядели жалко по сравнению со вспышками магии и раскатами грома, но слушатели вроде немного приободрились и разошлись по домам.

Ближе к ночи голова потихоньку начала болеть и у меня. Я стоически переносил подобный дискомфорт, сидя на троне и смотря в окно, за которым было

видно чёрное небо, разрываемое молочно-сиреневыми вспышками, из которого наконец-то пошёл ливень. Похоже, что я так и заснул. Мне приснилось, что я падаю в какое-то озеро, вода которого была тёмно-коричневой от торфяных отложений на дне. Я пытался махать крыльями, но это совершенно не помогало. На огромной скорости я плюхнулся в мутную воду, которая показалась мне твёрдой как камень, и проснулся. Оказывается я просто отсидел круп. Было солнечное утро, стояла безветренная погода, и свежий послегрозового воздух проникал в тронный зал из-за приоткрытых слугами окон. Через пару часов, сразу после утренней пробежки и ванны, я снова был в зале, но на этот раз на троне восседала Селестия, а я просто завтракал за столом рядом с окном.

– Ну что там?

– Ничего такого, – она свернула пергамент с донесениями. – Разве что Клаудсдейл и Лас-Пегас пришлось опустить почти к земле и их основательно подмочило дождём. Ну и группа пегасов попала напрямик в око шторма.

– Что с ними? – у меня появилось плохое предчувствие.

– Живы, но у них потерялась маленькая пегаска, ей ещё и полугода нет. Впрочем, её найдут. Уж слишком заметна её радужная грива и хвост.

Я поперхнулся и закашлялся так, как будто мне в лёгкие попала вся тарелка с салатом.

– С тобой всё в порядке?

– Это она! Это она, Тия! Та самая, которая две с половиной сотни лет назад оказалась за пределами Эквестрии. Не знаю как это вообще возможно, но это она!

[Вперёд к главе 9 >>>](#)

[<<< Назад к главе 7](#)

[---Оглавление---](#)